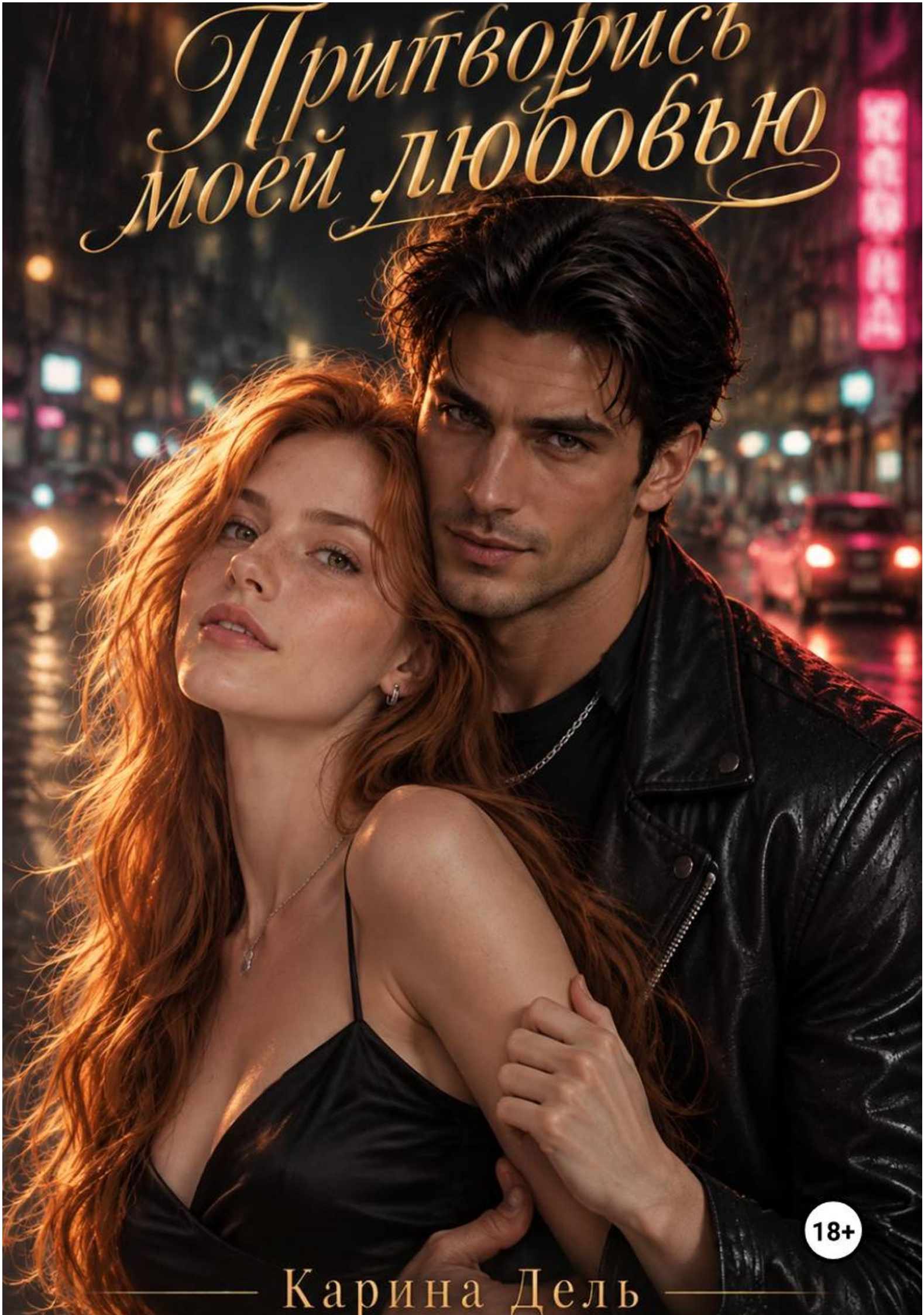

Притворись моей любовью
18+
Карина Дель

Карина Дель

Притворись моей любовью

«Автор»
2026

Дель К.

Притворись моей любовью / К. Дель — «Автор», 2026

Она украшает чужие свадьбы, а свою отменила за два месяца до даты. Он вправляет чужие суставы и не пускает никого к себе в жизнь. Одна ночь без имён должна была остаться одной ночью — пока судьба не подвернула ей ногу прямо у дверей его травмпункта.Теперь у них уговор — сыграть влюблённую пару для её бывшего и его родных. Единственное условие — не влюбляться.

© Дель К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Карина Дель
Притворись моей любовью

Глава 1

Кольцо было красивое. Это Лера отметила первым делом, профессионально, как отмечала форму букета или оттенок скатерти. Тонкий ободок, бриллиант-капля, огранка «груша». Такое кольцо выбирают долго. Такое кольцо выбирают, когда точно знают, чего хотят.

Кирилл никогда не знал, чего хочет. По крайней мере, когда речь шла о ней.

Фотография висела в ленте третьим постом сверху, между рекламой доставки суши и видео с котом. Женская рука на мужской ладони, закатное солнце, море на заднем плане. Подпись: «Он сказал ДА моему ДА Теперь навсегда, мой К.».

Лера перечитала подпись три раза. Потом увеличила фото. Потом увидела на мужском запястье часы — серебряные, с синим циферблатом. Она подарила их Кириллу на тридцатилетие. Копила полгода.

— Ну и носи, — сказала она телефону. — Носи на здоровье.

Телефон промолчал. Лера положила его экраном вниз на рабочий стол, между коробкой с атласными лентами и недоплетённой бутоньеркой, и попыталась вернуться к работе.

В субботу у неё была свадьба на сто двадцать гостей. Невеста хотела «нежно, но дерзко», пионы и чёрные свечи. Лера сидела в мастерской с девяти утра, и до этой минуты день казался обычным. Даже хорошим.

Её пальцы сами собой снова потянулись к телефону.

Снежана Лаврова. Двадцать четыре года, фитнес-блогер, сорок тысяч подписчиков. Блондинка с идеальной кожей и пресс-кубиками, которые она показывала по утрам вместе с овсянкой. На последнем фото она держала Кирилла за руку и смеялась, запрокинув голову.

При Лере Кирилл так не смеялся. Никогда. Или она просто не помнила?

— Опять сталкеришь? — раздалось над ухом.

Лера вздрогнула и чуть не смахнула со стола вазу с эвкалиптом. Ксюша — её помощница, лучшая подруга и, по совместительству, личный надзиратель — стояла сзади с двумя стаканами кофе и смотрела на экран телефона так, будто там был таракан.

— Я не сталкерю. Мне просто показали.

— Кто показал? Алгоритм? — Ксюша поставила кофе на стол и выхватила телефон. Прищурилась. — Ох. Ох ты ж. Кольцо.

— Красивое, — ровно сказала Лера.

— Лер.

— Нет, правда красивое. Огранка «груша». Это дорого.

— Лера. — Ксюша развернула её крутящееся кресло к себе и присела на корточки, чтобы смотреть снизу вверх. — Солнце моё. Ты сейчас оцениваешь огранку на помолвочном кольце человека, который бросил тебя за два месяца до свадьбы.

— Год назад, — уточнила Лера. — Это было год назад. Я в порядке.

Она правда так думала. Год — это много. За год она сменила шторы, перекрасилась из каштановой в медно-рыжую, научилась спать по диагонали и не вздрагивать, когда в кафе кто-то заказывает его любимый раф с солёной карамелью. Она вернула в салон платье — без возврата денег, конечно. Она удалила общие фотографии. Почти все.

Она ходила на свидания. Целых четыре.

Первый — Артём, программист — весь вечер рассказывал про криптовалюту. Второй, Денис, на втором свидании спросил, сколько она зарабатывает, и предложил «оптимизировать

её бизнес». Третий был ничего, но женат, о чём Лера узнала, когда ему позвонила жена. Четвёртый просто не пришёл.

А Кирилл за этот же год успел встретить девушку, влюбиться и купить кольцо с огранкой «груша».

— Ты не в порядке, — сказала Ксюша. — Ты похожа на Снегурочку, которая растаяла и пытается делать вид, что это лужа по собственному желанию.

— Спасибо, очень поддерживает.

— Я не поддерживаю. Я спасаю. — Ксюша выпрямилась и хлопнула в ладоши. — Значит, так. Сегодня пятница. Мы идём в «Луну».

— Нет.

— Мы идём в «Луну», ты надеваешь зелёное платье, которое купила на распродаже и ни разу не носила, и танцуешь до утра.

— Ксюш, у меня суббота. Пионы. Чёрные свечи.

— Свечи я заберу у поставщика сама. Пионы приедут в семь утра, они без тебя не завянут. — Ксюша наклонилась и сказала очень серьёзно: — Лер, если ты сегодня останешься дома, ты будешь до трёх ночи листать её профиль. Потом найдёшь их общие фото. Потом будешь сравнивать себя с ней. Я тебя знаю.

Лера открыла рот, чтобы возразить, и закрыла. Потому что Ксюша была права. Она уже знала, что у Снежаны есть сторис «Наша история», и уже почти нажала на неё.

— Хорошо, — сдалась она. — Но только до двенадцати.

— Конечно, до двенадцати, — легко согласилась Ксюша тоном человека, который не собирается уходить из клуба раньше четырёх.

Зелёное платье оказалось смелее, чем Лера помнила. Изумрудный шёлк, тонкие бретели, открытая спина и разрез, который в примерочной казался скромным. Дома, в свете лампы над зеркалом, он выглядел вызывающе.

Лера покрутилась. Медные волосы упали на плечи. Она взяла помаду — ту самую, красную, которую Кирилл называл «слишком». «Лер, ну это слишком. Ты же не на сцену».

Она накрасила губы. Дважды.

В «Луне» было шумно, тесно и пахло дымом от кальянов и чьими-то сладкими духами. Ксюша сразу утащила её на танцпол, и первые полчаса Лера честно пыталась веселиться. Музыка била в грудь, свет прыгал по лицам. Она закрывала глаза и двигалась, и на несколько минут в голове становилось пусто.

Потом Ксюшу кто-то узнал — однокурсник, кажется, — и она с визгом бросилась обниматься. Лера показала жестами «я к бару» и выбралась из толпы.

У стойки было свободное место. Одно. Рядом с мужчиной в чёрной рубашке, который сидел, опустив голову над стаканом с водой, будто спал с открытыми глазами.

Лера забралась на высокий стул. Бармен — молодой парень с пирсингом — кивнул ей.

— Что-нибудь… — она запнулась. — Что-нибудь, от чего захочется жить дальше.

— Это у нас в меню нет, — улыбнулся бармен. — Но есть «Апероль».

— Тогда «Апероль».

Мужчина рядом негромко хмыкнул. Лера повернула голову.

И на секунду забыла, о чём думала последние восемь часов.

Он был красивым. Не «симпатичным», не «ничего такой» — красивым так, что это было почти неприлично. Тёмные волосы, чуть отросшие, падали на лоб. Скулы, резкие, будто вырезанные. Щетина двухдневная. На левой брови — тонкий белый шрам, разделяющий её надвое. И глаза — серые, внимательные, с усталыми тенями под ними.

— Вы смеётесь надо мной? — спросила Лера.

— Над собой, — сказал он. Голос был низким и чуть хриплым, как будто он давно не разговаривал. — Я пришёл сюда, чтобы захотеть жить дальше. А сижу с водой.

— Не пьёте?

— Не могу. Завтра… — он посмотрел на часы, — то есть уже через семь часов мне нужно быть очень трезвым и очень внимательным.

— Тогда зачем вы здесь?

— У друга день рождения. — Он кивнул куда-то в сторону VIP-диванов, где громко пела «С днём рожденья тебя» компания мужчин в рубашках. — Я обещал прийти. Пришёл. Поздравил. Теперь сижу и думаю, когда будет прилично сбежать.

Лера взяла свой «Апероль» и сделала глоток. Горько-сладкий, апельсиновый.

— А вы? — спросил он. — Почему вам нужно захотеть жить дальше?

— Это слишком личный вопрос для первой минуты знакомства.

— Мы не знакомы.

— Вот именно.

Он улыбнулся. Не широко — одним уголком губ. Но от этой улыбки у Леры что-то тёплое шевельнулось под рёбрами.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте не знакомиться.

— В смысле?

— Никаких имён. Никаких профессий. Никаких историй о бывших. — Он повернулся к ней всем корпусом и опёрся локтем о стойку. — Просто два человека, которым сегодня плохо, сидят в баре. Утром разойдутся и никогда друг друга не увидят.

Лера посмотрела на него. Внимательно — на шрам, на руки, длинные пальцы с коротко остриженными ногтями, на чёрную рубашку с закатанными до локтя рукавами. На запястье не было часов. На безымянном пальце не было кольца и следа от кольца.

У неё в голове был голос Кирилла: «Лер, ну это слишком».

— Без имён, — сказала она. — Без телефонов.

— Одна ночь, — сказал он тихо.

Она должна была сказать «нет». Она должна была допить «Апероль», найти Ксюшу и поехать домой, в свою кровать, где спала по диагонали.

Вместо этого Лера протянула ему руку, как для делового рукопожатия.

— Договорились, незнакомец.

Он не пожал её руку. Он перевернул её ладонью вверх и медленно провёл большим пальцем по запястью — там, где бился пульс.

— Сто десять, — сказал он задумчиво.

— Что?

— Ничего. — Он поднял на неё серые глаза. — Пойдём отсюда?

И Лера сказала: «Пойдём».

Глава 2

Ксюше она написала из такси: «Ухожу. Не жди. Всё хорошо». И сразу выключила звук, потому что знала, что сейчас начнётся.

Он сидел рядом и молчал. Не пытался взять её за руку, не придвигался, не говорил тех слов, которые мужчины говорят в такси в два часа ночи. Просто смотрел в окно на мокрые от недавнего дождя улицы, и в свете фонарей его профиль то появлялся, то исчезал.

Лера смотрела на него и думала: я сошла с ума. Я села в машину к человеку, имени которого не знаю. Если Ксюша узнает подробности, она меня убьёт. А потом воскресит и убьёт ещё раз.

— Передумала? — спросил он, не поворачивая головы.

— С чего ты взял?

— Ты третий раз проверяешь, где ручка двери.

Лера отдёрнула пальцы от ручки и почувствовала, что краснеет.

— Я не передумала. Я просто… давно этого не делала.

— Чего именно? Не ездила в такси?

— Не уезжала из клуба с незнакомцами.

— А, — сказал он серьёзно. — Тогда у нас паритет. Я тоже давно.

— Насколько давно?

Он подумал.

— Никогда.

Лера рассмеялась — неожиданно для себя, громко, так, что водитель покосился на них в зеркало. И что-то внутри отпустило. Будто она весь вечер, весь день, весь этот год держала в руках тяжёлую коробку, а теперь поставила её на пол.

Он повернулся к ней. В полутьме салона его глаза казались почти чёрными.

— Если в любой момент захочешь уйти, — сказал он тихо, — просто скажи. Я вызову тебе машину и провожу до неё. Без обид.

— Ты всегда такой правильный?

— Только когда не сплю двадцать часов.

Квартира у него оказалась на девятом этаже старого дома с высокими потолками. Лера ожидала чего угодно — холостяцкого бардака, коробок от пиццы, огромного телевизора на голой стене. Но там было почти пусто и очень чисто. Диван. Книжные полки до потолка. Кухня, на которой явно никто не готовил. И у окна — несчастный фикус в слишком маленьком горшке, с жёлтыми листьями по краям.

— Его надо пересадить, — машинально сказала Лера.

— Я ему то же самое говорю каждое утро. — Он закрыл дверь и повесил ключи на крючок. — Он не слушается.

— Это не он должен слушаться. Это ты должен купить горшок побольше.

— Ты разбираешься в фикусах?

— Я разбираюсь во всём, что растёт.

Он смотрел на неё от двери, прислонившись плечом к косяку. Не подходил. И Лера вдруг поняла, что он ждёт. Что он дал ей сделать первый шаг — не потому, что не решался, а потому, что хотел, чтобы этот шаг был её.

Она сбросила туфли. Паркет оказался прохладным. Она прошла через комнату — пять шагов, шесть — и остановилась так близко, что почувствовала тепло его тела сквозь тонкий шёлк платья.

— У тебя помада, — сказал он хрипло. — Красная.

— Слишком?

— Нет. — Он медленно поднял руку и провёл большим пальцем по её нижней губе, стирая краску. — В самый раз.

А потом он её поцеловал.

Не так, как целуют в кино, — жадно и сразу. Он целовал её медленно, будто спрашивал разрешения на каждое следующее движение. Будто у них было бесконечно много времени, а не одна ночь. Лера сначала стояла неподвижно, а потом её руки сами легли ему на грудь, на плечи, на затылок, где волосы были мягкими и чуть влажными после дождя.

Его ладони скользнули по её открытой спине. Лера вздрогнула.

— Холодные руки? — шепнул он ей в висок.

— Нет, — выдохнула она. — Горячие.

Он нашёл крошечную застёжку у неё на шее. Справился с ней с первой попытки — пальцы у него были ловкие, уверенные, точные. Шёлк соскользнул с плеч, зелёной лужицей лёг у ног. Лера на секунду замерла — от непривычной обнажённости, от его взгляда, от того, что она здесь, в чужой квартире, с чужим мужчиной, которому не сказала даже имени.

Он смотрел на неё так, как никто не смотрел очень давно. Может быть, никогда.

— Ты очень красивая, — сказал он просто. Без восхищённого придыхания, без пошлости. Как факт. Как диагноз.

И Лера перестала думать.

Она потом не могла восстановить, как они оказались в спальне. Помнила только, как путалась в пуговицах его чёрной рубашки, а он смеялся ей в шею и помогал. Помнила прохладу простыней и жар его кожи. Помнила, как он шептал что-то неразборчивое, и как она сама шептала в ответ, и как в какой-то момент слова закончились совсем.

Он никуда не торопился. Он был внимательным — так, будто изучал карту незнакомой местности и хотел запомнить каждую дорогу. Он замечал всё: где она задерживает дыхание, где вздрагивает, где улыбается. И Лера, которая весь последний год чувствовала себя пустой, вдруг обнаружила, что внутри у неё целый мир. Что её тело умеет звенеть, как натянутая струна. Что можно забыть собственное имя — и это даже хорошо, потому что сегодня у неё имени нет.

За окном снова пошёл дождь. Капли стучали по карнизу всё чаще, всё громче, а потом весь мир сжался до одной точки — и рассыпался.

Потом они лежали в темноте, и он рисовал пальцем круги у неё на плече.

— Можно один вопрос? — спросила Лера. — Не про имя.

— Один.

— Шрам на брови. Откуда?

— Хоккей. Мне было двенадцать. Шайба. Мама неделю не разговаривала с тренером.

— Больно было?

— Не помню. Помню, что врач в травмпункте шил и рассказывал анекдоты. Плохие. — Он помолчал. — Теперь моя очередь.

— Давай.

— Почему ты сегодня хотела захотеть жить дальше?

Лера долго молчала. Дождь шуршал по стеклу.

— Человек, который меня бросил, сегодня сделал предложение другой, — сказала она наконец в темноту. — И я поняла, что за год так и не научилась быть одной. Просто научилась делать вид.

Он ничего не ответил. Не сказал «он дурак» или «ты найдёшь лучше». Просто притянул её ближе, так что она уткнулась носом ему в ключицу, и положил ладонь ей на затылок.

И Лера уснула. Впервые за много месяцев — сразу, без таблетки мелатонина, без бесконечной ленты в телефоне.

Она проснулась в начале шестого. Небо за окном было серо-розовым. Он спал на животе, обхватив подушку, и во сне выглядел моложе — морщинка между бровей разгладилась, губы приоткрылись.

Лера осторожно выбралась из-под его руки. Нашла на полу платье. Туфли. Сумочку. Одевалась в коридоре, на цыпочках, затаив дыхание.

На пороге она обернулась. Из коридора была видна только его рука, свесившаяся с кровати, и угол подушки.

«Спасибо», — подумала она.

И тихо закрыла за собой дверь.

Только в такси, уже на полпути к дому, она подняла руку к уху и похолодела. Левая серёжка — маленький золотой листик, бабушкин подарок на восемнадцатилетие, — была на месте. Правой не было.

Лера закрыла глаза. Вернуться? Подняться на девятый этаж, позвонить в дверь, увидеть его заспанное лицо и сказать: «Извини, я тут у тебя кое-что забыла»?

Нет. Одна ночь — значит, одна ночь.

Бабушка бы поняла. Наверное.

Будильник зазвонил в шесть ноль-ноль.

Даниил выключил его, не открывая глаз, и протянул руку на соседнюю половину кровати.

Там было пусто и уже холодно.

Он полежал, глядя в потолок. Потом сел. В квартире стояла та особенная тишина, которая бывает, только когда человек ушёл совсем.

Ну что ж. Так и договаривались.

Он встал, сделал два шага к ванной — и что-то тонко кольнуло ему ступню. Даниил наклонился. На паркете, у самой кровати, лежала крошечная золотая серёжка в форме листика.

Он долго держал её на ладони.

А потом, сам не зная зачем, положил в нагрудный карман врачебного костюма, который как раз собирался взять с собой.

Глава 3

— Так. Ещё раз. Медленно. — Ксюша сидела на подоконнике мастерской, обхватив колени, и смотрела на Леру так, будто та рассказывала о высадке на Луну. — Ты ушла с ним из клуба.

— Да.

— С незнакомцем.

— Да.

— И ты не знаешь, как его зовут.

— Мы договорились без имён.

— И ты не знаешь, кем он работает, где живёт и есть ли у него жена, трое детей и судимость.

— Где живёт, знаю. Примерно. Девятый этаж, старый дом. Фикус.

— Фикус! — Ксюша всплеснула руками. — Ну тогда, конечно, всё в порядке! Фикус — это рекомендация! Маньяки фикусы не держат!

Лера улыбнулась и продолжила обматывать проволокой стебли пионов. Прошло пять дней. Субботняя свадьба отгремела — чёрные свечи и розовые пионы смотрелись так, что невеста расплакалась, а её свекровь, женщина с лицом таможенника, сказала «ну, ничего». Лера считала это высшей оценкой.

И все эти пять дней она ловила себя на том, что улыбается. Без причины. Над пионами, в метро, в душе. Ксюша заметила это на второй день и устроила допрос с пристрастием. Лера держалась до сегодняшнего утра.

— Ну хоть скажи, как было, — сдалась Ксюша.

Лера подумала.

— Как будто меня год держали в морозилке, — сказала она медленно, — а потом достали и поставили на солнце.

Ксюша открыла рот. Закрыла. Слезла с подоконника, подошла и обняла её сзади, прямо с пионами.

— Лерка. Я так за тебя рада. Даже если он маньяк с фикусом.

— Он не маньяк.

— Откуда ты знаешь?

— Он спросил, не холодно ли мне. — Лера сама не знала, почему это прозвучало так важно. — Кирилл за пять лет ни разу не спросил, не холодно ли мне.

Приглашение пришло в среду.

Настоящее, бумажное — курьер принёс его прямо в мастерскую. Плотный кремовый конверт, сургучная печать с буквами «Н&Т», внутри — карточка с золотым тиснением. Лера сразу оценила: хлопковая бумага, печать вручную, лента натурального шёлка. Ника всегда любила, чтобы было красиво.

«Дорогая Лера! Мы, Вероника и Тимур, будем счастливы видеть Вас и Вашего спутника на нашей свадьбе. 20–22 июня, загородный клуб «Заозёрье». Три дня у озера, любви и танцев!»

И ниже, от руки, круглым Никиным почерком: «Лерусик, ты ОБЯЗАНА быть! Плюс один — обязательно!!! Целую!»

«Вашего спутника». «Плюс один».

Лера положила карточку на стол и посмотрела на неё. Карточка смотрела в ответ.

Ника позвонила через десять минут — видимо, отслеживала курьера.

— Получила?! — закричала она в трубку так, что Лере пришлось отвести телефон от уха. — Ну скажи, красиво? Я с этой бумагой три недели возилась, Тимур сказал, что я сумасшедшая!

— Очень красиво, Ник. Правда. Хлопковая?

— Хлопковая! Я знала, что ты оценишь! — Пауза. Голос Ники стал осторожным, каким-то мягким, будто она шла по тонкому льду. — Лер. Слушай. Я должна тебе сказать до того, как ты узнаешь от кого-нибудь ещё.

Лера уже знала, что услышит. Но всё равно сжала телефон крепче.

— Кирилл будет свидетелем. Тимур без него никак, они с первого класса… Ну ты знаешь. И он будет со Снежаной. Они… ну, ты, наверное, видела.

— Видела.

— Лер, я пойму, если ты не захочешь. Честно. Я не обижусь. Ну то есть обижусь, конечно, но пойму…

Лера закрыла глаза. Перед ними сразу встала картинка, яркая, как реклама: она, одна, в красивом платье, за столиком на краю зала. Рядом свободный стул — тот самый «плюс один». Через три стола — Кирилл и Снежана с её прессом и кольцом-грушей. Кирилл поворачивается, видит её, и в его взгляде — жалость. Хуже. Облегчение. «Хорошо, что я тогда ушёл. Посмотри на неё — так никого и не нашла».

Три дня. Три дня этого взгляда.

— Я приду, — услышала она свой голос. Спокойный, даже весёлый. — С парнем.

На том конце повисла тишина. Потом Ника завизжала.

— С ПАРНЕМ?! У тебя парень?! С каких пор?! Почему я не знаю?! Как зовут?! Кто он?! Покажи фото!

— Ник, Ник, тише… Это пока… Мы недавно. Я не хотела говорить раньше времени.

— Как зовут, ну?

Лера в панике огляделась. Взгляд упал на коробку с фурнитурой: «Мастер Декор». На вазу. На пионы.

— Сюрприз, — сказала она. — На свадьбе познакомитесь.

— Ты ужасная! Ужасная! Я умру от любопытства! — Ника счастливо смеялась. — Лерка, я так рада! Это же лучшая новость! Слушай, а Кирилл знает? Ой, нет, я ему не скажу, пусть сам увидит! Пусть у него челюсть отвиснет!

Когда Ника наконец положила трубку, Лера ещё долго сидела, глядя на погасший экран.

Ксюша, которая всё это время стояла в дверях с коробкой лент, медленно поставила коробку на пол.

— Лер, — сказала она очень спокойно. — Какой парень?

— Никакой.

— То есть ты сейчас пообещала Нике привести на свадьбу парня, которого нет.

— Да.

— На свадьбу, где будет Кирилл.

— Да.

— Через три недели.

— Ксюш, я знаю! — Лера вскочила. — Я знаю, что я идиотка, не надо мне это объяснять!

Она схватила пальто, сумку и выскочила на улицу.

На улице было сыро и ветрено — конец мая в этом году выдался капризным. Лера шла быстро, не разбирая дороги, и в голове у неё крутилось одно и то же.

Где за три недели найти парня? Попросить кого-то из знакомых? Но все её знакомые мужского пола — это поставщики цветов, водитель Гена и бывший однокурсник Вадик, который до сих пор живёт с мамой и играет в танчики. Нанять кого-то? Есть же, наверное, такие услуги — «кавалер на вечер»? Господи, как это унизительно. Признаться Нике, что соврала? Ещё унизительнее.

И хуже всего было то, что, когда она сказала «с парнем», перед глазами на долю секунды мелькнуло лицо. Тёмные волосы. Шрам на брови. Серые глаза.

Глупость. Она даже имени его не знает.

Лера свернула в переулок, срезая путь к метро. Каблуки звонко стучали по мокрой плитке. Она полезла в сумку за телефоном — написать Ксюше, что извиняется, — и не заметила решётку ливневки.

Каблук провалился в щель. Нога поехала в сторону. Что-то в лодыжке хрустнуло — тихо и отвратительно, — и Лера с размаху села на мокрый асфальт.

Секунду ничего не было. А потом пришла боль — горячая, острая, до слёз.

— Ой, мамочки, — прошептала она.

Каблук так и остался торчать в решётке, отломанный у основания. Лера попыталась встать и тут же снова села: нога не держала. Лодыжка прямо на глазах наливалась, становилась круглой и чужой.

— Девушка, вы как? — над ней склонилась пожилая женщина с таксой на поводке. Такса сочувственно понюхала Лерин локоть. — Ох, батюшки, нога-то! Это вам в травмпункт надо. Тут через два квартала, на Садовой. Давайте я такси вызову.

— Спасибо, — сказала Лера. И вдруг рассмеялась — сквозь слёзы, нервно, некрасиво.

Такса испуганно отступила.

— Вы чего, деточка?

— Ничего, — Лера вытерла щёки. — Просто это идеальный день. Просто идеальный.

Травмпункт на Садовой оказался приземистым кирпичным зданием с облупленной вывеской и запахом хлорки, который ударил в нос ещё у входа. В коридоре на жёстких скамейках сидели страдальцы: мальчишка лет десяти с рукой на самодельной перевязи и бледной мамой рядом, мужчина в рабочей куртке с забинтованным пальцем, бабушка, которая громко рассказывала соседке, как поскользнулась в ванной, и подросток с разбитой бровью, который делал вид, что ему совсем не больно.

Леру усадили в конец очереди. Медсестра в регистратуре, женщина с крашенными в баклажан волосами и лицом, которое видело всё, записала данные и бросила:

— Ждите. Вызовут.

Лера ждала. Нога пульсировала. Она сняла вторую туфлю и сидела босая, в одном чулке, поставив больную ногу на сумку. Смотрела, как одна за другой открываются и закрываются двери кабинетов. Слушала, как кто-то за стеной кричит «ай-ай-ай» на одной ноте.

Час. Полтора. Мальчишку с рукой увели на рентген. Бабушку отпустили. Подросток ушёл с аккуратным пластырем на брови, уже не делая вид, что ему не больно, — улыбаясь.

— Хороший доктор, — сказал он своей маме на выходе. — Смешной.

Лера закрыла глаза и прислонилась головой к холодной стене. Вспомнила, как он рассказывал: «Врач в травмпункте шил и рассказывал анекдоты. Плохие». Вспомнила тепло его ладони на затылке.

Хватит. Хватит о нём думать.

— Соколова! — крикнула медсестра с баклажановыми волосами. — Соколова, третий кабинет!

Лера поднялась, опираясь на стену. Взяла туфли в одну руку, сумку в другую. Допрыгала до двери с цифрой «3», толкнула её плечом.

В кабинете было светло и тесно. Кушетка, застеленная одноразовой простынёй. Стол, заваленный бумагами. Негатоскоп на стене. И врач за столом — спиной к ней, в синем хирургическом костюме, склонившийся над картой.

— Проходите, садитесь на кушетку, — сказал он, не оборачиваясь. — Что у нас случилось?

Лера застыла на пороге.

Этот голос она узнала бы где угодно. Низкий. Чуть хрипловатый. Голос, который пять дней назад шептал ей в темноте «ты очень красивая».

Врач дописал строчку, отложил ручку и развернулся на стуле.
И тоже застыл.

Глава 4

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Он — в синем хирургическом костюме, с бейджем на груди и ручкой, которую забыл положить. Она — на пороге, растрёпанная, с потёкшей тушью, в одном чулке, с туфлями в руке и с левой ногой, поджатой, как у цапли.

Лера успела подумать: «Господи, только не так». Только не с распухшей ногой и красным носом. Если уж встречать его снова — то хотя бы в зелёном платье. Хотя бы с помадой.

Он медленно положил ручку на стол.

— Вы, — сказал он.

— Я, — согласилась Лера.

— Опять сбегаете? — Уголок его рта дрогнул. — Только теперь на одной ноге.

— Я не сбегаю. Я… пришла.

— Это я вижу. — Он поднялся, и кабинет вдруг стал совсем тесным. — Садитесь на кушетку. Пожалуйста. Пока вы не упали ещё раз.

Лера доскакала до кушетки и села. Одноразовая простыня зашуршала под ней. Она положила туфли рядом — один целый, второй без каблука, — и уставилась на бейдж.

«Корнеев Даниил Павлович. Врач — травматолог-ортопед».

Даниил. Вот как, значит. Даниил.

Он проследил за её взглядом и коротко усмехнулся.

— Ну вот. Правило «без имён» нарушено. Причём не мной.

— Я не виновата, что у вас на груди написано.

— А у вас — в карте. — Он взял со стола листок. — Соколова Валерия Андреевна, двадцать девять лет. Жалобы: боль в правом голеностопе после подворота. — Он поднял на неё глаза. — Валерия.

Он произнёс её имя медленно, будто пробовал на вкус. И Лера почувствовала, как краснеют уши.

— Лера, — сказала она. — Все зовут Лера.

— Хорошо. Лера. — Он сел на крутящийся табурет прямо перед ней, так что их колени почти соприкоснулись, и стал совершенно серьёзным. Будто щёлкнул выключатель. — Рассказывайте. Как, когда, куда наступили.

Она рассказала. Про решётку, про каблук, про хруст. Он слушал внимательно, не перебивая, и только один раз уточнил, слышала ли она щелчок и сразу ли не смогла наступить. Потом сказал:

— Разрешите?

И, не дожидаясь ответа, осторожно взял её ногу в ладони.

Лера перестала дышать.

Это было нелепо. Это был врачебный осмотр, в травмпункте, под люминесцентной лампой, которая жужжала, как муха. За стеной кто-то по-прежнему стонал «ай-ай-ай». Её лодыжка была похожа на сардельку. Но его пальцы — тёплые, сухие, уверенные — двигались по её коже так же, как пять ночей назад, и тело это прекрасно помнило.

— Здесь больно? — спросил он, надавливая под косточкой.

— Нет.

— А здесь?

— Ай!

— Понятно. — Он не поднимал глаз. — А так?

Он медленно повернул её стопу. Лера вцепилась в край кушетки.

— Больно, — выдохнула она.

— Терпимо больно или «сейчас убью доктора» больно?

— Второе.

— Это хорошо.

— Чем это хорошо?!

— Тем, что вы честная. — Он наконец поднял глаза, и в них было что-то смеющееся. — Большинство в этом кабинете говорят «ничего-ничего», а потом у них оказывается перелом со смещением. Сейчас отправлю вас на рентген, чтобы исключить, но, скорее всего, это растяжение связок. Вторая степень.

— Это надолго?

— Недели две-три. Если будете слушаться.

— Три недели? — Лера похолодела. — Мне нельзя три недели. У меня свадьба.

Он чуть приподнял бровь — ту самую, со шрамом.

— Поздравляю.

— Не моя! Подруги. — Она сама не понимала, почему так торопится объяснить. — Я на неё иду. Гостем. Через три недели.

— Тогда успеете. Если, повторяю, будете слушаться. — Он встал и выписал направление. — Рентген по коридору налево. Вернётесь — поговорим.

Рентген показал, что кости целы. Медсестра с баклажановыми волосами, которая отвела Леру в кабинет и обратно, теперь смотрела на неё с подозрительным интересом. Видимо, что-то почуяла — у медсестёр, как у такс, нюх на такие вещи.

— Перелома нет, — сказал Даниил, разглядывая снимок на свет. — Как я и думал. Растяжение. Сейчас наложим фиксирующую повязку, дам ортез, неделю на костылях, потом можно потихоньку наступать. Холод, покой, нога выше головы.

— Выше головы — это как?

— Это лёжа, с подушкой под пяткой. Не стоя на голове.

— Жаль. Я надеялась.

Он хмыкнул. Достал из шкафа эластичный бинт, снова сел перед ней и начал бинтовать — быстро, ловко, туго, восьмёркой вокруг стопы и лодыжки. Лера смотрела на его руки. На то, как перекатываются под кожей сухожилия. На длинные пальцы, которые она помнила совсем в другой обстановке.

— Значит, вы врач, — сказала она.

— Значит, вы флорист?

— Декоратор. — Она осеклась. — Откуда?..

— У вас под ногтями зелёный сок. И ещё в прошлый раз вы сказали, что разбираетесь во всём, что растёт. — Он закрепил бинт. — Сложил два и два.

— Наблюдательный.

— Профессия такая.

— Вы поэтому тогда ничего не пили? Смена?

— Суточное дежурство. Начиналось в семь утра. — Он помолчал. — Я пришёл на смену и полдня думал не о переломах.

Лера сглотнула. Он сказал это ровно, не глядя на неё, будто между делом, как говорят о погоде. Но у неё внутри всё перевернулось.

— Я… — начала она.

— Подождите. — Он встал, подошёл к вешалке в углу, где висел его халат, и сунул руку в нагрудный карман. Потом вернулся и раскрыл перед ней ладонь.

На ладони лежал маленький золотой листик.

Лера ахнула.

— Моя серёжка!

— Ваша серёжка, — подтвердил он. — Нашёл её утром у кровати. Чуть не наступил.

Она взяла серёжку дрожащими пальцами. Металл был тёплым — от его ладони или от кармана, неважно.

— Это бабушкина, — сказала она тихо. — Я думала, всё. Потеряла навсегда.

— Я собирался отнести её в бюро находок, — сказал он. — Но потом понял, что в бюро находок не принимают вещи, которые потеряли люди без имён.

— И вы носили её с собой? Пять дней?

Он пожал плечами. Посмотрел куда-то мимо неё, на негатоскоп.

— Халат я не стирал. Просто так совпало.

Лера вставила серёжку в ухо и закрепила замочек. Руки всё ещё не слушались.

— Спасибо, — сказала она. — Правда. Спасибо.

— Не за что. — Он снова сел за стол, придвинул к себе карту и начал писать. Теперь он был снова просто врачом — сосредоточенным, отстранённым, чужим. — Ортез получите в регистратуре. Костыли тоже. Повторный приём через пять дней. Если отёк будет нарастать или появится онемение — сразу ко мне. То есть к дежурному врачу.

Он писал, а Лера смотрела на его склонённую голову, на тёмные волосы, падающие на лоб, на шрам, и в голове у неё вдруг сложилась картинка. Яркая, как рекламный баннер.

Она — на свадьбе Ники. В красивом платье. А рядом не пустой стул — а он. Высокий, красивый до неприличия, с серыми глазами и шрамом на брови. Кладёт ей руку на талию. Наклоняется к уху. И Кирилл смотрит на них с другого конца зала, и в его взгляде больше нет жалости.

Это была безумная мысль. Совершенно безумная. Самая глупая мысль за весь этот глупый день.

Именно поэтому Лера её и озвучила.

— Даниил Павлович.

— М? — Он не поднял головы.

— А вы не хотите сходить со мной на свадьбу?

Ручка остановилась на середине слова.

Глава 5

Даниил поднял голову. Медленно, будто не был уверен, что расслышал.

— Простите?

Отступать было поздно. Лера вдохнула и заговорила быстро, как в детстве у доски, когда выучила стихотворение и боишься забыть середину.

— У меня подруга выходит замуж. Через три недели, за городом, три дня. Свидетелем у жениха будет мой бывший. Тот самый. С невестой. И я сегодня сказала подруге, что приду с парнем. А парня у меня нет. А потом я подвернула ногу. А потом пришла сюда. А тут вы. — Она перевела дыхание. — И я подумала…

— Что я сыграю вашего парня.

— Да.

— На свадьбе. Три дня. Перед вашим бывшим.

— Когда вы так говорите, звучит немножко безумно.

— Очень безумно, — спокойно согласился он. Положил ручку, сложил руки на груди. И ответил так же ровно, как назначал холод и покой: — Нет.

— Нет?

— Нет. Во-первых, вы моя пациентка. Во-вторых, я не умею играть в такие игры. Я плохой актёр, у меня всё на лице написано. В-третьих, я вообще не хожу на свадьбы. На свои друзья меня не дозвались. А в-четвёртых… — Он замолчал.

— А в-четвёртых?

— А в-четвёртых, мы договорились об одной ночи. — Серые глаза смотрели на неё спокойно и немного устало. — И вы первая сдержали слово. Причём даже раньше, чем я проснулся.

Лера почувствовала, как щёки заливает жаром. Значит, ему было неприятно, что она ушла? Или наоборот, он рад, что не пришлось выпроваживать её и придумывать вежливые слова? По его лицу ничего нельзя было понять. А он ещё говорит, что у него всё на лице написано.

— Хорошо, — сказала она. И сама удивилась, как спокойно это прозвучало. — Я поняла. Извините. Это была дурацкая идея.

— Очень дурацкая, — согласился он. Но голос у него стал чуть мягче. — Лера. Вы же понимаете, что вам не нужно ничего ему доказывать?

— Конечно, понимаю. — Она улыбнулась самой фальшивой улыбкой в своей жизни. — Я же не дура.

Она не помнила, как добралась до регистратуры. Помнила только лицо медсестры с баклажановыми волосами — та выдала ей костыли и ортез с таким выражением, будто всё подслушала. И, конечно, подслушала.

— Даниил Павлович у нас кремень, — сказала она неожиданно сочувственно. — Тут даже интерны плачут. Не вы первая, девочка.

Это было так унизительно, что Лера даже не стала спорить.

— Вот! Смотри! Агентство «Джентльмен на вечер». — Ксюша сидела у Леры в ногах на диване и листала ноутбук. Лера лежала, задрав забинтованную ногу на гору подушек, и прижимала к лодыжке пакет замороженного горошка. — «Образованные мужчины сопроводят вас на корпоратив, свадьбу, встречу выпускников». Строго без интима, написано.

— Ксюш.

— Нет, ты посмотри. Вот. Эдуард, сорок пять. «Умею поддержать беседу о винах и гольфе».

На фотографии Эдуард обнимал тигрёнка и смотрел в камеру взглядом человека, у которого в багажнике всегда есть лопата.

— Нет.

— Ладно. Вот. Арсений, двадцать три. Актёр театра и кино.

Арсений был снят по пояс без рубашки, в ковбойской шляпе, и полит маслом так обильно, что на нём можно было жарить блины.

— Ксюша, он же вдвое младше Кирилла. Никто не поверит.

— Скажем, что ты его наставница по икебане. — Ксюша вздохнула и закрыла ноутбук. — Лер. А если сказать Нике правду? Что вы расстались. Вы же можете расстаться с парнем, которого нет.

Лера смотрела в потолок. На потолке была трещина, похожая на реку.

— Он сказал, что мне не нужно ничего доказывать, — сказала она.

— Кто? Кирилл?

— Даниил.

— А-а. — Ксюша прищурилась. — Уже просто Даниил. Без Павловича.

— Замолчи.

— И он прав. Тебе правда не нужно ничего доказывать.

— Я знаю. — Лера закрыла глаза. — Но я хочу, Ксюш. Вот в чём беда. Я хочу хоть один раз за этот год не быть брошенной. Хотя бы понарошку.

Даниил вышел из травмпункта в десять вечера и понял, что не помнит, когда ел. В машине зазвонил телефон. «Мама».

Он посмотрел на экран, понимая, что если не ответит, звонков будет ещё пять. А потом позвонит сестра и спросит, жив ли он, потому что мама пьёт корвалол.

— Да, мам.

— Данечка! — Галина Петровна Корнеева, сорок лет проработавшая завучем в школе, говорила так, что её было слышно и без телефона. — Наконец-то! Я тебе с обеда звоню!

— Я работал.

— Он работал. Он всегда работает. Твой отец тоже всегда работал, и что? И ничего, женился как-то! — Пауза для веса. — Даня, ты не забыл? Двадцать девятое июня.

— Не забыл, мам. Тридцать пять лет. Коралловая свадьба.

— Вот именно. На даче, в субботу. Будут все: Танечка с Игорем и Мишенькой, тётя Люда из Саратова, дядя Витя, Стариковы с детьми… — Ещё одна пауза. Даниил знал эту паузу. Она не предвещала ничего хорошего. — И Тамара Сергеевна с Ирочкой.

— Мам.

— А что «мам»? Ирочка чудесная девочка! Стоматолог! Разведена, но не по своей вине, у него там какая-то история с администратором фитнес-клуба… Неважно! Она тебя помнит, вы в детстве вместе на качелях…

— Она столкнула меня с качелей. Я сломал руку.

— Вот! Уже есть общие воспоминания!

Даниил прислонился лбом к рулю.

— Данечка, — голос матери вдруг стал тише и печальнее, и это было хуже любого крика. — Тебе тридцать три года. У тебя никого нет с тех пор, как Алина ушла. Три года, Даня. Ты приходишь домой только спать. Я же мать, я вижу. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я счастлив, мам.

— Не ври. Я тридцать лет слушала, как дети объясняют, почему не сделали домашнее задание. Ты врёшь хуже всех.

Когда она наконец положила трубку, Даниил ещё долго сидел в тёмной машине на парковке.

Алина. Три года назад она собрала вещи, пока он был на дежурстве. Оставила на кухонном столе записку: «Ты женат на своей больнице. А я не хочу быть любовницей». И ведь она была права. Вот что хуже всего. Она была совершенно права. Он пропустил её день рождения, потому что собирал по кусочкам мотоциклиста. Пропустил свадьбу её сестры. Пропустил новогоднюю ночь. С тех пор он решил, что честнее никого не обнадёживать.

И вот пять дней назад в баре рядом с ним присела рыжая девушка в зелёном платье и попросила у бармена «что-нибудь, от чего захочется жить дальше». И он впервые за три года засмеялся по-настоящему.

А сегодня она сидела у него на кушетке с распухшей ногой и потёкшей тушью и спрашивала, не хочет ли он пойти с ней на свадьбу. А он ответил «нет» — и видел, как у неё в глазах что-то погасло.

«Я же не дура».

Даниил завёл машину. Посмотрел на себя в зеркало заднего вида.

— И кто из нас дурак? — спросил он у отражения.

Отражение не ответило.

На повторный приём Лера ехала с чувством, будто идёт на казнь. Она даже звонила в регистратуру, чтобы записаться к другому врачу, но медсестра с баклажановыми волосами — звали её, как выяснилось, Валентина Степановна — сказала, что повторный приём ведёт лечащий врач, и положила трубку.

Она надела джинсы, белую футболку и ни капли косметики. Специально. Чтобы не выглядело так, будто она старается. Последней минутой всё-таки накрасила ресницы. И чуть-чуть — губы. Прозрачным блеском. Это не считается.

— Соколова, третий кабинет! — пропела Валентина Степановна и проводила её взглядом до самой двери.

Даниил сидел за столом. В этот раз — лицом к двери. Будто ждал.

— Добрый день, — сказал он. — На кушетку.

Он снял ортез, осмотрел ногу. Отёк спал, синяк из багрового стал жёлто-зелёным. Даниил кивнул, будто остался доволен.

— Слушались, — сказал он. — Нога была выше головы?

— На трёх подушках. И с горошком.

— С горошком?

— Замороженным. Холод.

Он улыбнулся — впервые за сегодня.

— Ещё неделю в ортезе, но уже без костылей. Потом — эластичный бинт, лечебная физкультура. Каблуки — не раньше чем через три недели. И никаких ливневых решёток.

— Спасибо. — Лера помолчала и решилась. — И ещё… Извините за прошлый раз. Я не должна была просить. Это было нечестно по отношению к вам. Забудьте, пожалуйста.

Даниил не ответил. Он снова застёгивал на ней ортез — липучка за липучкой, методично, не торопясь. Потом поднял голову.

— А если не забуду?

— В смысле?

Он выпрямился. Вздохнул — так, будто собирался прыгнуть в холодную воду.

— Я согласен, — сказал Даниил. — Но у меня есть условие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.